

ЕКАТЕРИНА КАЛАШНИКОВА

криминальный журналист, автор блога [katerina_tarantino_](#),

более 400 000 подписчиков

ЗАПИСКИ

КРИМИНАЛЬНОГО

ЖУРНАЛИСТА

ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ
НЕ ДАДУТ УСНУТЬ

 БОМБОРА
издательство

Екатерина Рустемовна Калашникова
Записки криминального
журналиста. Истории,
которые не дадут уснуть
Серия «Служебная тайна. Неизвестная
сторона известных профессий»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67385549

*Е. Р. Калашникова. Записки криминального журналиста. Истории, которые не дадут уснуть: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-166934-8*

Аннотация

Каково это – работать криминальным журналистом? Мир насилия, жестокости и несправедливости обнажается в полном объеме перед тем, кто освещает дела о страшных убийствах и истязаниях. Об этом на собственном опыте знает Екатерина Калашникова, автор блога о криминальной журналистике и репортер с опытом работы более 10 лет в федеральных СМИ. Ее тяга к этой профессии родом из детства – покрытое тайной убийство отца, и гнетущая атмосфера криминального Тольятти 90-х не оставили ей выбора. «Записки криминального

журналиста» – качественное сочетание детектива, true story и мемуаров журналиста, знающего не понаслышке о суровых реалиях криминального мира.

Содержание

Предисловие. Как я стала «Мамой криминала»	6
1. Начало пути	10
2. «Простите, мои хорошие. Я убил Дашу»	14
3. Охота за маньяком	31
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Екатерина Калашникова Записки криминального журналиста. Истории, которые не дадут уснуть

© Калашникова Е., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*** * ***

Предисловие. Как я стала «Мамой криминала»

Если вы держите в руках эту книгу, то, возможно, знакомы со мной и моим блогом. А может, и не знакомы, и тогда самое время это исправить. Я известна как «Мама криминала». Каждый день на мою страницу заходят тысячи читателей, чтобы погрузиться в мрачный и пугающий мир преступности. Все истории реальны, и я лично была свидетелем всех описанных в книге событий.

До появления блога я более 10 лет работала корреспондентом в крупнейших российских СМИ, специализировалась на криминале и происшествиях. За эти годы я видела сотни преступников, похорон, смертей; встречалась лицом к лицу с серийными убийцами, родными жертв; интервьюировала десятки заключенных. Об этом и пойдет речь в книге.

Мне часто говорили, что моя работа «не женская». И еще чаще спрашивали: почему я выбрала тему преступности? Почему не пишу про моду и красоту? Ну, или в конце концов, про политику, бизнес или медицину? Наверное, чтобы ответить на эти вопросы, стоит рассказать о себе.

Я родилась в Тольятти, в 1990 году, когда СССР находился в шаге от развала, в счастливой и любящей семье. Родителям тогда было чуть за двадцать. Мы ютились в тесной од-

нушке, но в доме всегда была еда, а у меня – польская коляска, вещи из Прибалтики и чешский плюшевый кролик. Это был подарок отца. Папа работал челноком на рынке. Тогда, в 90-е, это являлось хлебным местечком. Зарплаты на заводах не платили, прилавки в городе пустовали, а челноки всегда при деньгах и с заграничными товарами.

Из раннего детства в памяти остались лишь небольшие отрывки. Я помню, как отец возвращался из поездок домой. Как хватал маму на руки. Как приносил мне гостинцы. Помню его громкий, залиvistый смех...

Счастливый мир рухнул в один день. В память врезалось, как мама взяла меня в охапку и мы куда-то поехали. Потом какой-то дом, вокруг все плачут, а пожилая женщина читает слова из книги на странном языке. Вот мы стоим за оградкой, а отца несут на кладбище. Я тогда еще не понимала, что такое смерть, но уже почувствовала: как раньше мы жить больше не будем.

Я не помню, как узнала, что отца убили. Очевидно, сказал кто-то из родных. Я была ребенком, и разумеется, никто не посвящал меня в тайну гибели папы. Его смерть – бесспорный факт, однако причину произошедшего я не знала. Мама всячески избегала этой темы.

Убийство отца, окутанное тайной, дало огромный простор для фантазии. Тогда я даже не подозревала, что в моей жизни оно сыграет роковую роль и навсегда свяжет с исследованием природы преступности. Но тот самый интерес разыг-

рался именно в детстве. Лет в 11–12 я поймала себя на мысли, что хочу узнать, почему люди становятся убийцами. По иронии судьбы в наследство от папы мне достался не только плюшевый кролик, но и большая библиотека с различной криминальной литературой. Там были и бандитские саги, и биографии серийных убийц, и детективы. Я начала погружаться в мир преступности, тоннами поглощая отцовские книги.

Благодаря этому моя фантазия принялась рисовать всевозможные криминальные сюжеты. Я представляла, что за отцом охотились преступники, а он изменил внешность и скрывается под другим именем за границей. Или он тайный агент, разоблачающий мафиози.

Я жила на окраине Тольятти. Мой родной город славился бандитскими войнами. Флешбэки из детства напоминают отрывки из боевиков: разборки, аресты и убийства. И это происходило не только в телевизоре и в отцовских книгах, а буквально в доме напротив.

Один из самых ярких и пугающих моментов детства – убийство нашего соседа, бизнесмена Александра Подгорного. Как все было, я узнала со слов бабушки. В тот день он вместе со своей собакой пошел в аптеку. Через несколько минут к дому прибежал окровавленный пес. Потом мы узнали, что киллер на мотоцикле проехал мимо и застрелил Александра. Кстати, собаку стрелок не тронул.

Тут же в нашем дворе столпились милицейские машины,

а странные люди в гражданском лазили по кустам и что-то искали. Помню, мой взгляд остановился на съемочной группе. Рослый оператор с огромной камерой и микрофоном, рядом с ним худенькая девушка в твидовом костюме. Все мое внимание было приковано только к ним. Надо сказать, тогда журналисты города смаковали каждый бандитский шаг и проводили невероятные расследования. Они знали практически все и имели множество источников среди преступного мира.

Журналистика считалась рискованной и опасной профессией, в которой много экстрима и приключений. Ведь сами корреспонденты нередко гибли. Их в основном заказывали сами бандиты. Так, с разницей в два года неизвестные убили сначала одного, потом второго редактора местной газеты «Тольяттинское обозрение». Поэтому репортеры казались мне настоящими героями, которые готовы умереть за правду.

Я не могла оторвать взгляда от журналистки в твидовом костюме. Она ловко и умело работала на месте происшествия: опрашивала очевидцев и делала пометки в блокноте. Тогда впервые я поймала себя на мысли:

«Хочу! Хочу быть, как она! Такой же крутой и смелой. И я буду, как она!»

1. Начало пути

После школы я ни на минуту не задумывалась о том, что делать дальше. Последние два года учебы я откровенно прогуливала все точные дисциплины и сконцентрировалась только на гуманитарных науках. По русскому и литературе я получала отличные оценки, а по остальным предметам твердые тройбаны и четверки. Меня это нисколько не смущало. Почему-то была полная уверенность, что вступительные экзамены в вуз я сдам. Так и вышло.

На бюджет я поступила легко и без какой-либо нервотрепки. Причем в довольно престижное учебное заведение – Самарский государственный университет, чем удивила маму, уже готовую платить за мое образование.

Преподаватели рекомендовали нам сразу начинать работать по профессии и выбирать заочное отделение.

– Журналист-теоретик ничего не стоит, – сказала на экзаменах заведующая кафедрой. – Если все пять лет учебы будете работать официанткой, думая, как выстраивать отношения с поваром и заслужить чаевые, хорошим репортером вы не станете. Только потратите время зря.

Показалось, что на меня вылили ушат ледяной воды. Я-то думала, что в университете будут помогать с трудоустройством, а я смогу спокойно учиться. Но журналистика в вузе оказалась только теоретической, а практика – нулевой. Сту-

денты, которые работали по профессии, имели преференции, и им было проще сдавать экзамены.

Я решила действовать: вернулась домой после первой сессии и принялась обивать пороги тольяттинских газет. Но никто не давал неопытной студентке ответственных и интересных заданий. В некоторых газетах мне сразу говорили, что мест нет и внештатные авторы не нужны. В других просили оставить номер телефона. Я ждала, однако никто так и не перезвонил.

Я набралась смелости и без предупреждения пришла в очередную тольяттинскую газету.

– Я хочу писать про криминал и преступления, – выпалила я с порога, когда меня позвали в кабинет заместителя главного редактора. – Дайте, пожалуйста, пробное задание. Я быстро учусь, вы не пожалеете.

Худощавый мужчина в очках жестом предложил мне сесть за стол. Его звали Евгений Хохлов. В газете он являлся одним из старейших сотрудников. Рабочее место Евгения напоминало пункт приема макулатуры: на столе стояли огромные стопки газет, книг и блокнотов, среди которых можно было даже спрятаться.

– Странное желание для такой молодой девочки, – ответил он удивленно. – А вообще, мне нужен помощник. У нас есть колонка «Криминальная хроника». Честно, иногда совсем нет времени ею заниматься. Могу дать номер человека, который будет снабжать тебя информацией. Два раза в неде-

лю нужно писать заметки.

– Да, конечно, – сказала я, еле сдерживая радость. – Я согласна!

В этой колонке публиковались новости о незначительных городских преступлениях. Два раза в неделю я приезжала в отдел вневедомственной охраны и получала данные из сводки. Помню первую заметку под названием «Танцуй с вещами» о том, как у девушки в кафе украли сумку, которую она оставила за столиком.

Почти все новости были о каких-то незначительных событиях: кражах, разбоях, хулиганствах. Но я всячески старалась вытянуть хотя бы какую-то интересную деталь, чтобы заметки были интересней.

Поступая на журфак, я представляла, как буду охотиться за маньяками и распутывать загадочные преступления. В моих фантазиях точно не было места для новостей об украденных сумках и пьяных драках. Я буквально ела себя изнутри, чувствуя полную несостоятельность. «Неужели я всю жизнь буду писать вот эту шелуху?» – думала я. Что же такого сделать, чтобы меня заметили и наконец дали стоящее задание...

Полгода я металась и писала скучные, блеклые новости в криминальную колонку. Но все изменил один звонок. Это была моя одноклассница Лида. Она работала внештатным автором в самарском отделении «Комсомольской правды». Честно говоря, я завидовала Лидке. Пусть и без официаль-

ного трудоустройства, ее печатали в таком популярном, федеральном издании. Я готова была отдать многое, чтобы оказаться на ее месте.

— Кать, наша редакция ищет внештатника в Тольятти, — с ходу сказала она. — В вашем городе очень много криминала. Гонять туда-сюда машину нерационально, поэтому наш редактор ищет постоянного корреспондента на месте. Я дам твой номер телефона?

— Конечно! — буквально кричала я в трубку. — Обязательно дай. Буду очень ждать звонка!

Мне было все равно, какими окажутся задание и гонорар. Пришел мой звездный час! Я порхала по квартире, как бабочка, и представляла, как мои материалы печатают на первой полосе. Казалось, я вытянула счастливый билет.

— Мне позвонят из самого известного издания России! — кричала я, закончив разговор. — Я самый счастливый человек на свете!

2. «Простите, мои хорошие. Я убил Дашу»

Вскоре со мной связалась редактор «Комсомольской правды в Самаре» и дала первое задание. К криминалу эта история никакого отношения не имела, но случай был поистине удивительный – жителя Тольятти по ошибке «похоронил» ЗАГС. Мне поручили узнать максимум информации.

По сравнению со скучными сводками, которые сами шли в руки, это казалось в разы сложнее. Нужно было найти главного героя, его родственников, поговорить с работниками ЗАГСа, в конце концов уговорить того самого «похороненного» мужчину сфотографироваться для материала.

Последнее казалось самым трудным. Иногда герои охотно давали интервью, но, когда дело доходило до фото, технично отказывались. Приходилось всячески изворачиваться – искать снимки в соцсетях, у родственников и знакомых. Без фото твой материал не выходил или же его публиковали в подвале¹. Или, что еще хуже, безбожно укорачивали, превращая в восьмушку². Тогда все старания по подготовке статьи оказывались напрасными.

¹ Подвал – нижний край газетной страницы.

² Восьмушка – небольшая заметка на 1/8 газетной страницы. (Здесь и далее прим. авт.)

Я собрала максимум информации: поговорила с родными «захороненного по ошибке», нашла его самого, опросила работников ЗАГСа. После первого материала меня ждал успех. Его поместили не на местной, региональной странице, а в федеральном выпуске. Все оказалось не так-то и трудно, как я думала сначала. Работницы ЗАГСа влегкую поделились со мной данными. Сам герой был обычный выпивоха, который даже не имел прописки. Он согласился все рассказать и даже обрадовался, что на старости лет урвал свой кусочек славы.

После первого успешно выполненного задания редакция стала сотрудничать со мной на постоянной основе. Мне выдали бумажное удостоверение, куда я вклеила свою лучшую фотографию. На отложенные деньги прикупила первый фотоаппарат-мыльницу, диктофон и базу данных жителей Тольятти. Ее любезно передал за символическую плату сосед-программист. В базах содержались имена, адреса и даже места работы, а также паспортные данные. В некоторых карточках были фотографии. Это оказалось очень удобно. Фото человека можно было скачать и использовать в своем материале. В таких случаях верстальщик замазывал герою публикации глаза, чтобы к изданию не было никаких претензий. По сути, человека опознать сложно, а значит, с журналистов все взятки гладки.

Обычно редактор сама скидывала мне задания.

И я начала действовать.

Сперва позвонила в тот самый отдел вневедомственной

охраны, который предоставлял информацию для городской газеты. Недолго думая, я предложила им сотрудничество.

– Сергей, здравствуйте. Я теперь работаю с газетой «Комсомольская правда». Мне хотелось бы оперативно получать от вас данные о самых интересных происшествиях в городе. Взамен материалы с вашим упоминанием будут регулярно выходить в этом издании.

Мой собеседник тут же согласился. Тогда разные подразделения милиции и все районные ОВД должны были отчитываться перед начальством за публикации в СМИ. Поэтому подобная взаимосвязь с прессой для них выгодна. Интересные новости не заставили долго ждать.

Была жаркая августовская ночь. Я смотрела по телевизору сериал и уже собиралась спать, когда внезапно предательски запищал телефон. Это оказался тот самый Сергей из вневедомственной охраны. Голос был сбивчивым и взволнованным.

– Катя, привет. Для тебя есть кое-что интересное. В квартире на Голосова нашли мертвую девушку, года 22–23. Убийство, сто процентов. Нас первыми подтянули. Экипаж как раз был недалеко. Сейчас убийцу везде ищут.

– А версии какие? – спросила я. – Что там сейчас?

– Этого не знаю, – ответил Сергей. – Это ж не наша работа, а следствия. Ребята пока там. Девушку только что обнаружили.

– Хорошо, – бросила я и начала лихорадочно одеваться. –

Я выезжаю.

– Аккуратнее, – участливо добавил Сергей. – И нас не забудь упомянуть, что быстро среагировали. Только не пиши, что я сообщил остальные подробности.

Моя голова была уже занята другими мыслями, поэтому я не ответила, а просто кивнула и продолжила носиться по комнате в поисках диктофона и фотоаппарата. Руки тряслись, и я никак не могла собрать мысли в кучу. Мне еще никогда не приходилось работать на месте происшествия. Я не знала, что спрашивать и как себя вести. Но понимала, что надо ехать. Ведь это мой шанс закрепиться в редакции, если удастся раздобыть эксклюзив.

Один давний друг любезно согласился меня подвезти, и через десять минут мы были на месте. Нужный дом я нашла быстро. Догадаться было несложно, ведь поблизости дежурила патрульная машина. Я быстро прошмыгнула в подъезд за двумя мужчинами, которые буквально открыли передо мной дверь. Интуитивно я пошла следом – они остановились возле одной из квартир. Я замерла на лестнице и стала наблюдать.

Дверь была приоткрыта. Я увидела, как в коридоре стоят люди в милицейской форме и в гражданском. Легко было догадаться, что это следователь и оперативники проводят осмотр места убийства. В форме, вероятнее всего, участковый.

Я поднялась выше и осторожно встала у двери. Пройти

дальше, разумеется, не решилась. Из квартиры доносился громкий плач женщины.

– Даша, Дашенька! – кричала она и рыдала навзрыд, задыхаясь от слез.

Остаться незамеченной не получилось. Мужчина в форме, стоявший в дверях, окликнул меня.

– Девушка, вы кто? – спросил он. – Что вам тут нужно?

– Я, я-я-я... – Я замялась и словно забыла, что нужно говорить.

– Пожалуйста, идите домой, – тем временем произнес он.

– Я журналист «Комсомольской правды», – выдавила я. – Готовлю материал. Мне надо поговорить...

Милиционер мгновенно меня оборвал.

– Утром, утром приходите в отдел, – безапелляционно заявил он. – Вы же видите, сейчас работают следователи. Завтра вам все скажут.

Дверь тут же захлопнулась. Я растерялась и пошла вниз по лестнице. Спускаясь, я наткнулась на жуткую надпись на стене подъезда. Меня передернуло: там был выжжен черный крест. Внутри него написано имя «Даша». Пазл начал складываться. Убитую, очевидно, звали Даша. Именно это имя выкрикивала женщина. Неужели крест нарисовал предполагаемый преступник?

«Какой ужас, – подумала я, и по телу побежали мурашки от страха, а ноги стали ватные. – Надеюсь, он не поджидает здесь, в подъезде».

Я спустилась этажом ниже и решила постучать в квартиру соседей. Но никто не среагировал. На часах больше полуночи – вероятно, люди спали либо боялись открыть.

Я поехала домой и решила вернуться на место происшествия утром. Уснуть уже не получилось. Всю ночь я выстраивала в голове план, как буду добывать нужную информацию.

Наконец настало утро. С девяти часов я дежурила у подъезда, где вчера произошло убийство, – ждала, пока кто-то откроет дверь и удастся проникнуть внутрь. В таких случаях я никогда не звонила в домофон. Просто при таком раскладе проще отказать. Намного сложнее это сделать, когда журналист неожиданно появляется перед тобой и смотрит в глаза.

Мне удалось проникнуть в подъезд достаточно быстро, и вот я стою перед дверью той самой квартиры, где произошло убийство. Звонить не стала, первым делом решив наведаться к соседям. Я обладала небогатым журналистским опытом, однако интуиция подсказывала: они могут что-то знать. И потом, когда уже стала репортером со стажем, я всегда начинала работу на месте преступления именно с разговора с соседями.

Соседи могут рассказать, кто живет в квартире, во сколько приходит домой, пьющие люди или нет, случались ли в квартире громкие скандалы. Даже если жильцы совсем не примечательные, но в их квартире произойдет ЧП, тут же всплывут любопытные подробности о них. Вспомнятся самые незначительные детали. Например, про то, что соседка

недавно купила норковую шубу, ее муж разбил машину, а их сын переболел ветрянкой.

Итак, я нажала кнопку звонка квартиры напротив. После 5-минутной паузы дверь открыла заспанная женщина слегка за пятьдесят. Видно было, что она только проснулась.

– Я журналист, – представилась я сразу. – По поводу убийства. Вчера в квартире напротив обнаружили труп девушки. Вы что-то слышали об этом?

– Господи, опять! – воскликнула женщина. – Вчера ночью разбудили, теперь еще и вы!

Но через минуту уже забыла, что я помешала ее сну, и начала в красках описывать произошедшее в ночи событие.

– Вчера у нас была милиция, – начала она. – Пришли в полночь и говорят, что мой сосед Андрей убил подругу. Я дар речи потеряла! Ушам своим не поверила! Андрей – и убил...

Людмилу, так звали соседку, милиционеры позвали стать понятой. Женщина не могла и представить, что тихий молодой человек способен убить. Она знала его с детства. Чистяковы жили в злополучной квартире лет двадцать. Приличная, спокойная семья. Пять лет назад у Андрея умер от рака отец. Полгода назад не стало и матери. Женщине поставили такой же неутешительный диагноз, как и мужу. Мать Андрея решила не мучить ни себя, ни сына, и повесились.

После смерти родителей мужчине досталась в наследство квартира. В ней он начал жить вместе с подругой Дашей. Но

в последнее время девушка крайне редко появлялась в доме возлюбленного. Что послужило причиной ее исчезновения, Людмила не знала. Разошлись молодые, бывает. Полнейшим шоком стал факт обнаружения тела Даши в квартире Андрея.

— За пару часов до того, как пришла милиция, я услышала резкий удар дверью, — с дрожью в голосе рассказывала Людмила. — Андрей обычно так не хлопает. Меня это сильно насторожило. Ну, а потом пришли с этой новостью. Когда мы оказались в квартире, я удивилась. Одинокий мужчина, а при этом все чистенько, аккуратненько. Все просто идеально убрано, на столе конверты с документами на дачу, квартиру и фотографии Андрея. А рядом, на диване, лежала Даша, прикрытая одеялом. Казалось, что она спит.

Женщина поведала, что на столе Андрея был диктофон, а на нем бумажка с подписью «Отсюда вы узнаете все». Оперативники тут же включили запись в присутствии понятых. Всех охватил ужас, когда они слышали ледяной голос убийцы.

— Диктофонный монолог длился минут 15, — продолжила соседка. — Начинался он с того, что Андрей представился, рассказал, кто он. Потом сразу признался. Так и сказал: «Да, это я убил Дашу». Он долго говорил об их отношениях, о том, как они проводили вместе вечера. Потом добавил, что раз девушка не с ним, то не достанется никому.

Завершился рассказ обещанием наложить на себя руки.

Чтобы никто не сомневался в его намерении, Андрей упомянул, что фото для его надгробной плиты лежит на столе рядом с документами на квартиру и дачу. После он покинул квартиру, остановился у стены в подъезде и сделал жуткий рисунок, на который я наткнулась ночью. Тот самый, с именем «Даша» и большим крестом.

– Я не могла уснуть и утром решила выбросить мусор, – продолжала соседка. – Спускаюсь и вижу этот крест и имя девушки. Господи, какой меня охватил ужас. И тут вспомнила: примерно три месяца назад я встретила Андрея на лестничной площадке. Он прошел мимо меня и в руках держал свечи! Тогда я не придавала этому значения. А сегодня вспомнила. Он готовил убийство, понимаете?

После разговора с соседкой я решила не терять времени даром и сразу помчалась к следователям. В голове был лишь один вопрос: покончил ли Андрей жизнь самоубийством или все-таки испугался и скрывается?

В следственном отделе меня быстро сориентировали и привели к сыщику, который вел дело. Это был молодой следователь по имени Юрий. Я сразу представилась и объяснила, зачем пришла.

– Так вы из газеты? – уточнил он. – Ну, давайте сразу к делу. Что хотите узнать?

– Я уже немного в курсе дела. – Я пыталась вначале показать глубокую осведомленность, но диалог как-то не вязался. – Скажите, подозреваемого нашли? Он жив или мертв?

– Да его и искать не надо было, – ответил он. – Гражданин Чистяков сам пришел в милицию и во всем сознался. Рассказал то же самое, что было в записи.

Оказалось, пока оперативники искали убийцу в гаражах, на чердаках и в подворотнях, он спокойно пришел в милицию. Сыщики всерьез поверили, что Чистяков может покончить с собой. Однако он решился на явку с повинной.

– А что сказал? – уточнила я у следователя. – Какой мотив? Зачем он убил девушку?

– Ревность, – спокойным тоном ответил Юрий. – Девушка ушла от подозреваемого. Он не хотел с ней расставаться. И чтобы она никому не досталась, убил.

– Он вообще нормальный, вменяемый? – резонно уточнила я.

Тогда я не знала многих процессуальных тонкостей и даже не предполагала, что следствие может идти годами, а на экспертизу иногда требуются месяцы.

– Это выяснят психиатры, – ответил следователь. – Но задержанный вполне логично и подробно описывает детали преступления. Рассказал, что продумывал убийство девушки три месяца. Он обманул ее: сказал, будто его нет дома. А когда она вошла, накинул ей удавку на шею и задушил. Что случилось дальше, вы уже знаете.

Для материала не хватало деталей романа Андрея и Даши. Неизвестно было, где они познакомились, как долго встречались и почему девушка ушла от него. Ну и самое главное – не было фото главных героев. А без этого, как я уже говорила, материалы в газете не публиковали.

Следователь обмолвился, что Даша работала в фотосалоне. Он находился как раз недалеко от дома Андрея. За стойкой я увидела девушку. Казалось, она не обрадовалась посетителю, выглядела заплаканной и напуганной.

– Меня зовут Екатерина, и я из газеты, – начала я диалог.

– Вы про Дашу пришли узнать? – спросила девушка, и в ее глазах появились слезы. – Мы до сих пор в шоке. Вчера Андрей всем нам разослал эти эсэмэс.

– Какие эсэмэс? – удивилась я.

– Вы не знаете? – Она достала мобильный – Сейчас покажу.

На экране было сообщение от Андрея Чистякова. Оказалось, после расправы над возлюбленной он отправил всем друзьям эсэмэс, где было всего два предложения: «Простите, мои хорошие. Я убил Дашу».

– Это получили все знакомые и коллеги, – поведала девушка. – Не знаю, зачем он это сделал. Андрей глубоко больной человек, моральный урод. Надеюсь, его упекут надолго.

Оксана работала вместе с Дашей в фотосалоне три года. Здесь же ранее трудился и сам Андрей. Так пара познакомилась. Даша была оператором. Андрей – техником: следил за машинами, печатающими фотографии. Симпатичная девушка сразу приглянулась мужчине. Вскоре у них завязался роман.

– Мне Андрей никогда не нравился как человек, – поделилась Оксана. – Он был скрытным, нелюдимым. Однако Даше он казался идеальным. Правда, только поначалу, в первые месяцы отношений она была очень счастлива. Андрей с Дашей стали жить вместе, завели кошку. Но потом начались странности. Во-первых, Андрей – тихий алкоголик. Он мог пить один и напиваться до беспамятства. Во-вторых, очень замкнутый. Даше не нравилось, что почти все свободное время они проводят дома.

По словам Оксаны, чем дальше, тем все хуже становились отношения пары. Мужчина постоянно ревновал девушку, проверял телефон в поисках доказательств неверности. Возлюбленный регулярно шантажировал Дашу, что покончит с собой.

– Она всегда его поддерживала, жалела, – вспоминала Оксана. – Говорила, что у него непростой период, ведь недавно умерли родители. А потом начало доставаться и Даше. Она рассказывала, что в приступе гнева Андрей толкал ее, швырял, заламывал руки.

– А что подруги, семья говорили по этому поводу? – спро-

сила я. – Может, советовали уйти?

– Конечно, – объяснила Оксана. – Мы все твердили, чтобы она уходила от него. Мы боялись, что он когда-нибудь ее убьет. И Даша ушла. У нее даже отношения начали завязываться с одним молодым человеком. Однако Андрей не дал ей нормально пожить.

В голове у меня крутился только один вопрос: зачем Даша поехала домой к своему бывшему? Может, заманил ее в квартиру обманом? Или она все же хотела помириться? Нужно было копать дальше.

У Оксаны я получила необходимую часть материала – фотографии Даши и Андрея, а еще домашний адрес родителей девушки. Я не стала медлить и сразу поехала к ним, но перед квартирой Ивановых (фамилия Даши) остановилась как вкопанная и долго размышляла, что сказать. Впервые в жизни мне придется говорить с людьми, которые совсем недавно потеряли самое дорогое – своего ребенка. Дверь открыла девушка лет тридцати. Она была в черной одежде и в платке.

– Меня зовут Екатерина, я из газеты, – выпалила я, правда до сих пор не знаю, как у меня получилось. – Хочу поговорить с родными Даши. Дело очень резонансное. В память о Даше хотелось бы, чтобы материал был максимально правдивым.

– Проходите, – пригласила меня девушка и распахнула дверь. – Мама сейчас не в состоянии давать интервью. Я с вами побеседую.

Это оказалась старшая сестра погибшей – Анастасия. Когда я пришла, семья уже начала готовиться к похоронам. Тепло должны были вот-вот привезти из морга после экспертизы. Настя проводила меня в комнату. Мы сели друг напротив друга. Вопросов не пришлось задавать, она заговорила первой.

– Начну с того, что при знакомстве Андрей нам понравился, – сказала она. – Казалось, он хороший парень, добрый, очень обходительный. наших родителей называл «мама» и «папа». Все вроде шло хорошо, и мы думали, дело движется к свадьбе. Но потом Андрей резко изменился. Начались ревность, слежка, постоянные пьянки. Даша жаловалась, что он может толкнуть ее, схватить за волосы. После сцен ревности Андрей просил прощения. И Даша прощала. Затем все повторялось, и так по кругу.

– Я знаю, что Даша ушла от него. – Я решила прервать Настю и задать главный вопрос: – Но почему она оказалась в тот день в квартире бывшего парня?

– Когда Андрей с Дашей жили вместе, они завели кошку. Сестра очень ее любила. Но когда они разошлись, Андрей не хотел отдавать животное. После расставания он снова принялся ухаживать за Дашей, пытался вернуть. Сестра старалась сохранить с ним дружеские отношения, часто интересовалась судьбой кошки. Пару дней назад Андрей позвонил и сказал, что уезжает к своей тете в Калугу, и попросил Дашу зайти и покормить кошку. Честно говоря, мы сразу по-

чувствовали неладное. Мама не хотела ее отпускать.

Настя попросила Дашу взять ее с собой, но сестра только отмахнулась. Девушка была уверена, что ничего страшного не произойдет.

— Я уговорила ее хотя бы позвонить, когда войдет в квартиру, — продолжила Настя и вытерла слезы, которые потекли по ее бледным щекам. — Даша ушла, но звонка так и не было. Прошло почти три часа, а она все не возвращалась. Я начала волноваться. Андрей живет неподалеку, так что мы с мамой собрались к нему. Пока шли, я продолжала звонить сестре, а потом догадалась набрать на домашний телефон Андрея. Трубку снял оперативник и сказал, что Даша мертва. Не могу вам даже описать, что мы с мамой испытали в этот момент.

Настя, которая абсолютно спокойно со мной разговаривала, начала рыдать. Я не знала, как вести себя в подобной ситуации, поэтому просто села рядом и похлопала ее по плечу.

— Надеюсь, эту тварь посадят так надолго, что он никогда не выйдет, — произнесла она, утирая слезы.

* * *

Через два дня Дашу похоронили. Проститься с ней пришла огромная толпа людей. Близкие и друзья оплакивали красивую, талантливую девушку, у которой впереди была целая жизнь...

Андрей Чистяков полностью признал свою вину. Экспер-

ты признали его вменяемым и посчитали, что он полностью отдавал отчет в своих действиях. Через полгода состоялся суд – мужчину приговорили к 12 годам колонии.

Помню, как я звонила Насте и попросила дать комментарий по поводу вердикта суда. Семья никак не могла оправиться от смерти Даши.

– В этом году она должна была получить диплом психолога, – сказала она. – Сестра училась с отличием, шла на красный диплом, но так его и не получит. Знаете, все, что у нас осталось от Даши, это память о ней, фотографии и подарки. Хорошо, что Андрей получил срок, но это не вернет нам Дашу. Это, по сути, ничего не изменило. У нас у всех в сердце дыра, которая не заживет.

Тогда эта история произвела на меня сильное впечатление. Это было первое убийство, с которым мне пришлось столкнуться. За годы журналистской практики у меня появлялись и более шокирующие дела, чем преступление на почве ревности. Но кошмар в том, что подобных историй домашнего насилия в России тысячи. В каждом следственном отделе легко расскажут с десятков.

Каждый год в нашей стране фиксируют от 15 до 22 тысяч случаев домашнего насилия. Порядка 40 % женщин гибнет именно от рук своего партнера – мужа или возлюбленного. Но еще тысячи не сообщают в органы правопорядка о постоянных побоях. Молчат до того момента пока, как Даша, не окажутся убитыми или «случайно» не ударятся головой об

Материал про убийство Даши вызвал большой резонанс и попал в федеральный выпуск. После этой статьи мне позволили из редакции.

— Катя, привет, — это была Света, главный редактор «Комсомольской правды» в Самаре. — У меня для тебя предложение. У нас в штате освобождается должность специального корреспондента по криминалу и ЧП. Приезжай в Самару. Мы готовы взять тебя на это место.

— Спасибо за предложение, — ответила я немного растерянно. — Мне нужно подумать пару дней.

На следующий день я перезвонила и согласилась. Для меня это был огромный успех. Мне в 18 лет предложили стать штатным сотрудником популярнейшей в стране газеты. Редактор дала всего неделю на переезд в другой город.

Для меня это оказался не только шаг во взрослую жизнь, но и прыжок в настоящую пучину криминала. Тогда работа журналистом была для меня чем-то вроде авантюры или рискованного приключения. Я даже не представляла весь ужас, с которым придется столкнуться, и степень разочарования в выбранной профессии.

3. Охота за маньяком

Настал мой первый рабочий день в редакции. До сих пор помню тот промозглый октябрь. Я в синей клетчатой куртке иду в офис «Комсомольской правды». Каблуки громко цокают по асфальту, а я боюсь распластаться на скользкой дороге. Противно моросит дождь. Будто пытается смыть с моего лица яркий макияж, который я так старательно наносила.

Между тем внутри меня борются два чувства. С одной стороны ринга желание показать, что «вот она я! Вы не ошиблись, пригласив меня на должность специального корреспондента по криминалу и ЧП. Сейчас я вам всем покажу и нарою таких эксклюзивов, о которых никто и не мечтал!». А с другой стороны – страх. Мне жутко от мысли, что я могу не оправдать ожидания. Страшно, что не справлюсь и поеду обратно в родной город. Ради своей мечты и работы в редакции популярной газеты я уехала с насиженного места, бросила парня, оставила маму. Мне страшно, что у меня нет друзей. А еще нет нужных связей, и я не знаю, где искать информацию.

Достаю из сумочки сигаретку, закурываю. У меня на долгие годы остался этот ритуал – посмолить парочку перед каждым заданием. Каждый раз, жадно затягиваясь вонючим дымом, я думала, что скажу герою и как начну разговор. Первая фраза, с которой строится диалог, самая важная. Чело-

век, у которого родственник убит или арестован, обычно не хочет откровенничать. Если со следствием ему приходится общаться при любом раскладе, то журналисту можно дать отворот поворот, имея на это полное право. Нужно с первых секунд расположить родственников жертвы или обвиняемого, сделать так, чтобы человек, будь то возрастной отец семейства или молодая вдова на сносях, захотел продолжить с тобой беседу. Поэтому каждый раз я курила и думала о том, что сейчас скажу.

Но в этот раз я курила и думала, как заговорю с редактором и буду знакомиться с коллегами. Быстро прошмыгнув мимо охраны и отдела рекламы, я направилась в кабинет начальницы.

– Как долго мы тебя ждали, – сказала Света, и в ее голосе слышалось некое облегчение. – Фух... Слава богу, ты приехала. Тут по твоему фронту столько...

Мне дали должность специального корреспондента, или спецкора. Грубо говоря, это что-то вроде старшего журналиста. Корреспондентам с приставкой «спец» причитался оклад на пять тысяч рублей больше, чем остальным репортерам. Но вместе с ним и самые сложные и нервные задания. Именно спецкоры писали шокирующие истории, которые красовались на обложке местной газеты и публиковались в федеральном выпуске. Разумеется, все корреспонденты регионального отделения мечтали эту приставку заполучить.

Спецкоров в нашей газете было всего два – Мария и Лиза. Две опытные дамы, которым я годилась в дочери. Маша пошла на повышение и должна была стать редактором одного популярного желтого издания. Она пять лет исправно трудилась специальным корреспондентом по криминалу и ЧП и считалась незаменимым сотрудником. Как вы уже догадались, именно ее место мне и пришлось занять.

Должность, с одной стороны, заманчивая. С другой – занимать ее никто не стремился, ведь гораздо комфортней в спокойной обстановке брать интервью у чиновников или спортсменов, чем мотаться по городу в поисках жертв или родных преступников. Поэтому лакомое, но геморройное место корреспондента по криминалу с повышенным окладом ждало именно меня.

– Ты про маньяка слышала? – первым делом спросила Света.

– Не. – Я мотнула головой.

– Один день даю, чтобы подготовиться. Садись и читай, – произнесла она и подвинула мне стопку газет.

Я жадно вцепилась в них, чтобы изучить проделанную коллегами работу.словно голодный, который ждет сытный обед, я предвкушала, как нарою интересный материал.

* * *

В статьях информации о таинственном маньяке было

очень мало. Да, материалы выходили, но какие-то пустые и основанные на слухах. Краткая выжимка получилась примерно такая: на окраине города неизвестный нападал на женщин и девочек. Он выслеживал их на улице, затем в укромном месте «вырубал» ударом со спины и потом насиловал. Следствие сообщало только о двух жертвах – школьницах 13 и 14 лет. Именно эти два преступления были совершены одним лицом. Силовики уверяли прессу, что остальные нападения никак не связаны.

Последнее изнасилование произошло аккурат перед моим приездом в город. Следователи вновь прислали куций пресс-релиз с минимумом информации:

«По факту изнасилования и избиения 14-летней гражданки в квартире на улице Победы возбуждено уголовное дело по части 3п. «б» статьи 131 УК РФ. Проводятся оперативно-следственные мероприятия, направленные на установление всех обстоятельств случившегося. Проводится розыск подозреваемого, составлен фоторобот».

Потом я поняла, что ждать от них большего и не стоило, ведь речь шла об изнасиловании несовершеннолетней. Разглашать подробную информацию о половых преступлениях запрещено.

Однако шила в мешке не утаишь, истерия тем временем нарастала. В маршрутках и в очереди в супермаркете люди

обсуждали не цены на нефть и не курс доллара. Все говорили про таинственного маньяка, и каждый старался пофантазировать на тему, каким способом можно его наказать.

– Да, я бы ему голову и причиндалы лично открутила бы, – говорили женщины в очереди в поликлинику.

– Таких казнить надо, – вторили пассажиры в автобусах. – Почему у нас нет смертной казни?

Я же решила идти напролом и попробовать все-таки получить официальную информацию. Первым делом я позвонила в следственный комитет по области, понимая, что там мне не предоставят исчерпывающих деталей на блюдечке. Но с чего-то нужно было начинать.

– Здравствуйте, это Екатерина Низамова, корреспондент «Комсомольской правды», – представилась я. – Хочу получить комментарий про нападения на женщин в Самаре. Подтверждаете ли вы, что в городе орудует маньяк?

– У нас нет такой информации. Мы расследуем дела против сексуальной неприкосновенности женщин, но они не объединены в одно производство, – отрапортовала собеседница, будто читая заготовленный ответ по бумажке.

Это стало лишним подтверждением, что подобными темпами я никаких данных не нараю. И если так будет продолжаться и дальше, меня могут выгнать из газеты, а это было самое страшное. Ведь связей среди силовиков города пока нет, однако выкручиваться как-то надо.

Фоторобот преступника – единственное, чем с нами поде-

лились следователи. На бумаге был напечатан портрет молодого мужчины. Описание оказалось расплывчатым: «Мужчина, на вид 23–27 лет. Славянская внешность, русоволосый. Среднего роста. Был одет в темную куртку, джинсы, свитер синего цвета». Таких в Самаре тысячи. Славянская внешность, средний рост – в толпе они не выделяются.

Я подолгу вглядывалась в это лицо: тонкие, аккуратные черты, чем-то похож на девушку, миндалевидные глаза и аккуратные брови. Кто он? И сколько на самом деле у него жертв?

* * *

Нападения на девушек происходили в районе Кировского рынка. Именно туда я и отправилась. Более гадкого местечка в городе нет – торговые ряды, сотни нелегальных мигрантов, заводы и гаражи. Если где и твориться криминалу, то только здесь. Я бродила по улицам и спрашивала всех – скучающих бабулек на лавке, сторожей и комендантов общаг. Но информации оказалось ноль. Никто ничего не видел: ни таинственного маньяка, ни жертв, хотя фотороботы висели повсюду.

Я долго размышляла, как же раздобыть хоть какие-то сведения, и тут мне на ум пришла гениальная идея. Я вспомнила, что Маша, на место которой меня взяли, оставила справочник с номерами своих источников. Там было множество фамилий и имен силовиков. Но я поняла, что делать ставку

на них в этом деле не стоит, ведь я никого не знаю лично, поэтому чего ради им делиться со мной информацией. Однако среди прочих телефонов я нашла номер начальника диспетчерской службы городской скорой помощи. Помню, как Маша обмолвилась, что дружила с сотрудницей и та частенько снабжала мою коллегу разными сведениями.

Я позвонила ей, представилась и попросила назначить встречу. Начальница с радостью согласилась меня принять. Я прихватила с собой коробку конфет и свежую газету. Галия Рустамовна, так ее звали, обрадовалась подарку, сразу заулыбалась и предложила присесть.

– Здравствуйте. Я Екатерина, теперь работаю на месте Маши. Хотела с вами познакомиться лично, – выпалила я с порога и широко улыбнулась.

– Да, мы с Машей прекрасно взаимодействовали. Жаль, что она ушла... Ну, вы присаживайтесь, не стесняйтесь, – по-свойски произнесла Галия Рустамовна.

– Я была бы рада с вами сотрудничать. Могу указывать всегда в своих материалах, что «Скорая» приехала незамедлительно. И вообще говорить о вашей работе в положительном ключе, – предложила я.

– Мы всегда открыты к сотрудничеству, правда зависит от того, какая информация нужна. У нас ведь проверки тоже, контроль. Лишний раз светиться, сами понимаете, – ответила Галия, и в воздухе повисла неловкая пауза.

– Маша сказала, вы любите музыку. Скоро будет концерт

Николая Баскова. У нас в редакции раздают билеты. Могу дать и вам, — вновь улыбнулась я.

— Давайте. С удовольствием бы сходила, — загорелась Галия Рустамовна.

Только в голливудских фильмах показывают, что у журналистов заложены огромные бюджеты на подкуп источников, а папарацци получают миллионы долларов за сенсационные съемки. В российских реалиях все иначе. Редакции, особенно региональные, ограничены в средствах, денег на подарки за информацию у сотрудников нет, а платить ньюсмейкерам со своих скромных зарплат никто не горит желанием. Поэтому приходилось выкручиваться, насколько хватало возможностей: дарить конфеты и разные безделушки, поздравлять с праздниками и отправлять на концерты.

Справедливости ради стоит сказать, что большинство источников работали со мной на добровольных началах. Не знаю, какие у них были скрытые мотивы, но сотрудники «неотложки», органов правопорядка и судов часто делились информацией абсолютно безвозмездно.

С Галией Рустамовной мы договорились, что я буду приходить в диспетчерскую дважды в неделю: по понедельникам и четвергам. В эти дни медики предоставят мне журнал. Фельдшеры «Скорой» записывали туда те случаи, о которых они должны сообщить милиции. Обычно это убийства, крупные ДТП, случаи травмирования детей. Для меня подобные происшествия всегда являлись потенциальной те-

мой для публикации. В журнале были прописаны все явки и пароли, то есть имена и фамилии, а также адреса и контакты пострадавших – настоящий клондайк для журналиста. Ну и еще с разрешения начальника я имела возможность послушать запись диалога между диспетчером и тем, кто оформляет вызов.

Так «Скорая» на долгие годы стала для меня верным источником информации. Возможно, я и медики, которые мне помогали, поступали неэтично. А с другой стороны, если бы не они, часть моих материалов никогда бы не вышла и люди не знали бы правду.

– Галия Рустамовна, вы, наверное, уже в курсе про маньяка? – сказала я.

– Который в районе Кировского? – уточнила она, обозначая, что понимает, о чем речь.

– Буду очень благодарна, если вы поможете найти мне хоть какую-то информацию. Следователи от нас все скрывают. Последний случай нападения на девочку был совсем недавно. Но, может, у вас факт изнасилования как-то фиксировался? – тонко намекнула я.

– Давай поищем, – сказала она и ловким движением открыла огромную таблицу с вызовами.

Я продиктовала улицу и назвала дату. Очень быстро мы нашли нужный вызов. Галия нажала на play, и мы послушали диалог диспетчера и неизвестной женщины. Я сразу поняла, что это мама той самой девочки, на которую напал маньяк.

«Девочку изнасиловали! Да, да! Приезжайте, посмотрите ее!» – кричал женский голос в трубке.

Галия демонстративно отвернулась, сделав вид, что не видит, как я переписываю данные вызова: имя, фамилию, адрес и телефон матери жертвы. Я выбежала из ее кабинета и тут же отправилась на место. Наконец хоть какая-то информация, способная пролить свет на преступления.

Я приехала к дому последней жертвы маньяка. Соседка и по совместительству подруга семьи на условиях анонимности помогла мне восстановить картину случившегося. Четырнадцатилетняя Кристина шла домой из школы мимо трамвайной остановки. За ней проследовал незнакомец. Девочка по трагической случайности зашла в подъезд одна. Между первым и вторым этажом преступник попытался сбить ее с ног и несколько раз ударил по голове. Кристина вырвалась и, добежав до своей квартиры, открыла дверь.

– Он вошел за Кристиной в квартиру и изнасиловал. Из вещей ничего не взял. Хотя лучше б ограбил, а девочку не трогал, – сказала женщина.

Я решила зайти к родителям, надеясь, что со мной поговорят. Ну или как минимум я должна попытаться, чтобы совесть была чиста перед редактором. В тот момент, когда я нажала на дверной звонок, сердце бешено заколотилось. Тогда я была еще робкой студенткой, которая опасается вылететь с работы, а не матерой и бесстрашной журналисткой.

Дверь открыл худощавый мужчина. Я поняла, что это

отец.

– Здравствуйте. Я из газеты «Комсомольская правда»... – промямлила я, и в эту же секунду дверь захлопнулась перед моим носом.

Я не стала звонить вновь. Тогда для меня, зеленого корреспондента, каждый отказ был унижением, чувствовалась неловкость, и хотелось провалиться сквозь землю.

Я переживала поражение недолго. Редактор отечески хлопала по плечу, ведь мне удалось узнать хотя бы что-то, а у других корреспондентов и того не было. К слову, уже через недельку ажиотаж вокруг маньяка начал угасать. И тут неожиданно следствие выслало пресс-релиз о раскрытии дела.

«Подозреваемый в изнасиловании несовершеннолетних задержан. Он арестован и дает признательные показания», – пришло сообщение в редакцию.

Следователи сразу собрали пресс-конференцию. Они отчитались о проделанной работе и заверили, что никакого маньяка нет. По их словам, было лишь два эпизода изнасилования.

– Сейчас предполагаемый насильник задержан и во всем сознался. Это 25-летний мужчина, житель Оренбурга. Подозреваемый дает признательные показания по этим двум эпизодам. Экспертиза подтвердила, что изнасилования совер-

шил именно он, – уверенно произнес начальник следствия.

Через три дня следователи прислали новый пресс-релиз. В нем говорилось, что подозреваемый мертв – повесился в СИЗО. Следователи всячески пытались замять это дельце и не рассказать лишних подробностей. Позже по факту самоубийства проводилась проверка, однако прокуратура ограничилась выговорами для администрации изолятора.

Тогда мне казалось, что история таинственного маньяка закончилась. На самом же деле она только начиналась.

* * *

Прошло два года. Из сопливой девчонки, которая трусит перед каждым заданием, я превратилась в достаточно опытного журналиста; в редакции держалась уверенно и даже считала себя незаменимой. По традиции, если не было ЧП, утро начиналось с проверки сводок. Глаз уже был так наметан, что из сотни кратких выжимок о задержаниях я всегда находила материал, который попадет на обложку. Так случилось и в этот раз.

«На Заводском шоссе обнаружили труп 32-летней женщины с признаками насильственной смерти. Возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 105 УК РФ» – эти строчки выделялись среди десятков других сообщений о совершенных правонарушениях.

Как журналист я понимала, что убийство женщины почти всегда скрывает за собой что-то интересное. Обычно это либо ревность, либо неразделенная любовь, либо сексуальное насилие.

Недолго думая, я направилась на место. Все произошло на трамвайной остановке рядом с жилым домом. Я сразу заметила, что окна дома выходят прямо на ту сторону, где было совершено преступление. Обошла жильцов, и – о, чудо! – одна из женщин в красках рассказала, как неизвестный тащил жертву через рельсы.

– Тогда было темно, людей мало. Но еще не глубокая ночь и многие не спали. Из окна кто-то из жильцов увидел, что парень тащит женщину через рельсы за волосы! – сообщила мне милая старушка. – Люди побежали за преступником, но он как будто растворился в темноте. Мистика, не иначе! Бросились к женщине, а она не дышит. Руки связаны какими-то тряпками. Спасти ее не удалось. Убийца ранил женщину по голове каким-то предметом.

Тогда я уже знала, кому звонить и как искать информацию. Первым делом я набрала одному приятелю из следственного управления.

– Саш, про женщину, убитую в Кировском, знаешь что-нибудь? Да? Помоги, а! Можешь хотя бы имя дать? – спросила я.

Саша работал в отделе по расследованию особо важных

дел. Он относился ко мне с нескрываемой симпатией. Ему было приятно мое внимание, и я знала, что он не откажет. Мы познакомилась случайно практически сразу после того, как приехала в Самару. Он был членом следственной группы по делу об убийстве высокопоставленного чиновника. Тогда пресса практически не получала никакой информации от официальных представительств. Пришлось выходить именно на тех сыщиков, кто непосредственно вел дело. Сначала Саша неохотно шел на контакт, но потом мы стали приятелями, и он долгие годы был моим надежным источником.

Итак, один звонок – и имя жертвы уже у меня в кармане. Выяснилось, что убитую звали Любовь и работала она на местном заводе. Я быстро написала редактору и попросила пробить адрес по милицейской базе. Жила она в общежитии, которое находилось неподалеку.

«Наверняка там сейчас родственники собрались и готовятся к похоронам», – тут же смекнула я.

Я неслась в общагу, как хищник за добычей. Не успеешь вовремя – опередят коллеги. Обычно тот журналист, кто первый наведается к родственникам, снимает все сливки, то есть получает максимально эмоциональный рассказ. Со вторым уже поговорят сухо. А третьего вовсе пошлют и еще крикнут вслед: «Без комментариев!»

Прокрутив эти мысли, я поняла, что профессия сделала меня циничной. Каждый человек для меня в первую очередь материал, а потом уже живое существо с чувствами и эмо-

циями.

Я подошла к общаге. Затхлый запах в подъезде, узкий коридор, где наставлены санки, тазы, велосипеды, сушилки с бельем... Дверь открыла сестра Любы, Ольга. Красные глаза и сильный запах корвалола с порога дали понять, что адрес верный. Почему? Все просто: этот аромат – показатель горя. Ощутив его, я могла понять, что именно в этой семье готовятся к похоронам. И в очередной раз не ошиблась.

Оля рассказала, как все было. Она знала о трагедии со слов следователя. В тот вечер Любовь должна была поехать на свидание к своему возлюбленному. Обычно она уезжала с трамвайной остановки рядом с домом. Люба не заметила, что ее преследовал незнакомец. Он шел буквально по пятам, затем украдкой выхватил тяжелый предмет и ударил женщину по голове. Нападавший действовал профессионально – повалил жертву на землю, связал ноги и потащил через трамвайные рельсы в кусты. Любовь даже вскрикнуть не успела – удар оглушил.

– Ее уже мертвой нашли, – потирая опухшие от слез глаза, говорила Ольга. – Мама, когда все узнала, с ума сошла от горя. Следователь вопросы задает, а она даже имени дочери назвать не может.

Я отвела взгляд и через прозрачный сервант увидела фотографию Любы. На меня смотрела красивая, стройная брюнетка с яркими, голубыми глазами.

«Он явно хотел не ограбить, а именно изнасиловать», –

пришла в голову очевидная мысль.

Мое предположение подтвердил следователь, к которому я поехала после беседы с Ольгой. Я была на короткой ноге с начальником следственного отдела города Александром Павловичем, и он весьма охотно делился информацией.

– Преступник давно у нас в разработке. Жертва не одна. Эта просто последняя. По нашим данным, их двенадцать! – сказал он, и я пришла в замешательство от этих слов.

– Сколько?! – Я даже отодвинула блокнот и не смогла это записать. Меня шокировала цифра.

– Да, двенадцать. Мы не сразу поняли, что это один и тот же человек. Были разные подозреваемые. Но никто из них к этим преступлениям не причастен.

Александр Павлович рассказывал, а я поражалась все больше и больше. Череда преступлений тянулась на протяжении двух лет. Именно тогда, когда молва заговорила о маньяке, случились первые нападения на женщин. Силовики боялись паники, поэтому говорили только о двух происшествиях, которые удалось раскрыть. На два года преступник залег на дно. Казалось, что маньяк пойман или покинул город. Но полгода назад нападения возобновились и стали происходить все чаще.

Из двенадцати человек трое были убиты. Остальные изнасилованы. Одной девочке маньяк отрубил топором ухо, когда ударил ее сзади. Школьница перенесла несколько операций, но осталась жива. Самое парадоксальное, что никто не

мог вспомнить лицо насильника, ведь он неизменно наносил удар сзади.

– У него свой стиль, почерк. Все время один и тот же район, который он хорошо знает. Маршрут продуман до мелочей. Преступник выслеживает девушек на трамвайной остановке, всегда в одно и то же время, когда темно, – в 9–10 вечера. Идет аккуратно сзади, след в след, чтобы жертва не заметила. Выбирает только длинноволосых, – рассказывал Александр Павлович.

– То есть ему нравится определенный типаж? – уточнила я.

– Не совсем. Ему нравятся девушки стройные, женственные, на каблуках. Ну, наподобие тебя. А волосы длинные всегда выбирает, видимо, потому, что жертву проще схватить за них и утащить в кусты, где впоследствии он может их изнасиловать. И всегда нападает сзади. Это коронная фишка. А знаешь почему? Вот как думаешь? – спросил он.

– Не знаю. – Я совсем не хотела думать, поскольку важнее было получить информацию.

– Чтобы они не видели его лица. Никто так и не смог описать подозреваемого. Преследует незаметно, нападает сзади, тащит, насилует, исчезает. Некоторые толком объяснить не могут, что с ними произошло, – добавил начальник следственного отдела.

Маньяк-призрак. Неуловимый, неуязвимый. Милиция задерживала мигрантов, алкоголиков, уголовников. Безрезульт-

татно. Кто же этот человек?

Всю ночь после разговора я не могла уснуть. Воображение рисовало образ преступника. Почему-то мне казалось, что он молодой. И именно тогда всплывали флешбэки из прошлого. Тот самый фоторобот насильника, который якобы уже мертв.

* * *

Мне навязчиво хотелось вернуться к событиям, которые произошли два года назад. Именно тогда весь город говорил только о маньяке. Тогда и случились первые убийства. Интересно, что преступник залег на дно на два года и вернулся только сейчас. Почему?

Александр Павлович шепнул мне на ушко информацию о первой жертве. Не теряя времени даром, я отправилась разыскивать ее родственников. Первой в списке маньяка была продавщица с рынка – 42-летняя Тамара. Дальше я испытала чувство дежавю. Жертву номер один маньяк выследил на трамвайной остановке. Жила она в таком же общежитии с длинным коридором, что и Любовь. Была одинокой женщиной, пережившей развод. Вряд ли маньяк об этом знал, но схожесть у первой и последней пострадавших была определена. Дверь открыла худенькая девушка – дочь убитой, Юля. Спокойно и обстоятельно она рассказывала детали того дня, когда ее мама не вернулась домой после работы.

– Было уже часов 9. Мне показалось странным, что мамы нет дома. Обычно она в 7 всегда приходила. Я заволновалась и стала звонить ей. Ответил на звонок неизвестный парень, – рассказала она.

Юля вспоминала, что голос незнакомца был спокойным и учтивым. Молодой человек сказал, что с ее мамой беда, и сообщил, где она находится. А потом повесил трубку.

– Маму нашли именно там, где он сказал. На том самом месте! Вы знаете, никогда, никогда не забуду его приятный, молодой голос. Мне кажется, это был он. Убийца, – сказала девушка, пристально глядя мне в глаза.

От следователя Юля узнала, что преступник говорил не только с ней. С телефона Тамары он вызвал «Скорую» для своей жертвы. Возможно, он до конца не осознавал, что убил женщину. Юля предположила, что маньяку стало жаль ее маму.

– Я желаю для него самого сурового наказания. Ненавижу его. Я не хочу, чтобы он ел на мои налоги. Я не хочу его кормить. – Тут она зарыдала.

Даже спустя два года ей было очень тяжело говорить об убийстве мамы. Я как могла пыталась ее успокоить. Когда Юля перестала плакать, я попросила фотографию Тамары для материала.

На снимке стройная женщина, которая выглядела очень молодо. На вид можно было дать лет 30. Даже по паре изображений было заметно, что дама ухоженная. Больше похо-

жа на секретаря или менеджера, чем на работницу рыбного рынка. А еще у нее было неуловимое сходство во внешности с Любой, тело которой нашли недавно.

Генетическая экспертиза подтвердила, что убийство совершил один и тот же человек. Образцы семенной жидкости совпали. Ну и почерк абсолютно идентичный. Однако один вопрос не давал покоя мне: почему маньяк пропал на два года?

– Это все, конечно, мои фантазии. Ты это не пиши. Я думаю, он испугался. Мы предполагаем, что до этого он совершил два-три изнасилования. А тут убил. Для него это стало шоком. Вот он и залег на дно, грубо говоря, – сказал Александр Павлович.

Я позвонила знакомому психологу и преподавателю вуза Константину Сергеевичу, обрисовала ситуацию. Он объяснил, почему маньяк действовал именно так.

– Убивать он не хотел. Да еще и звонок вывел его из равновесия. Он ответил автоматически, как и вызвал «Скорую». Я думаю, сам мужчина был в шоке от того, что совершил. Но когда шок прошел, он вновь захотел адреналина. За это время он осознал ошибки и стал по-настоящему неуязвимым, – пояснил психолог.

Я понимала, что он прав.

Люди, которые видели, как маньяк тащил Любовь через рельсы, дали описание внешности преступника. Конечно, не детальное, так как вблизи его никто не разглядел, но хоть что-то. Русский парень, молодой, среднего роста.

Вскоре все улицы города запестрели «портретами» маньяка. Фоторобот крутили словно музыкальный хит по телеканалам, печатали в местных газетах чаще снимков губернатора. И вновь ничего. Поиски опять затягивались. Снова у меня было чувство дежавю.

Прошел месяц с момента последнего убийства. Голова была занята другими, не менее интересными материалами. Я каждую неделю набирала Александру Павловичу и задавала один и тот же вопрос: «Какие есть подвижки в деле?» Но из раза в раз был только один ответ: «Ищем, работаем, когда что-то будет – позвоним».

В тот день я уже собиралась уходить домой. Была среда, единственный день, когда можно выйти с работы пораньше. По средам мы готовили еженедельный выпуск, который состоял в основном из развлекательных материалов и кроссвордов. Соответственно работы оказывалось мало. И тут в редакции раздался звонок.

– Катя, тебя к телефону! – крикнула наша секретарь Лидя. Я удивилась. Кто мог мне звонить и почему не на мобиль-

ный телефон? Я сняла трубку и не поверила своим ушам. На противоположном конце провода я услышала женский голос. Читательница сообщила, что у нее есть информация про таинственного убийцу.

– Кажется, я видела маньяка, о котором вы пишете. Этот странный парень сидел на остановке и держал в руках мешок. Там был топор, – шокировала меня собеседница.

– Спасибо! Спасибо за информацию, – выпалила я и поняла, что нужно ехать.

Мы с фотографом рванули к машине. Я дико нервничала и мечтала поскорее попасть на место. Хотя наивно было полагать, что маньяк поджидает нас именно там, где его видели. Но азарт и предвкушение затмевали здравый смысл. Я чувствовала себя репортершей из голливудского фильма.

Однако в кино журналисты обычно легко получают информацию. В реальной жизни все не так. Я помчалась на место, указанное собеседницей, но предполагаемого маньяка уже не было, его задержали. Женщины, которые ожидали трамвай, рассказали, что он был одет как бомж, а лицо приятное, даже интеллигентное. Парень будто искал кого-то глазами.

– У меня словно чутье какое-то было. Мне показалось, что он странный, потерянный какой-то. Сказал, что ждет трамвай, и пропустил несколько разных. Это удача, что рядом проезжал наряд ППС. Полицейские остановились у магазина, и я к ним подошла, рассказала всю ситуацию. Они этого

парня и забрали, – поведала потом та самая Светлана, которая и позвонила в редакцию.

Я начала звонить в следственный комитет, знакомым следователям, Александру Павловичу. Но все предательски молчали. Стало понятно: это тот самый преступник, и, возможно, он вот-вот расколется.

Вскоре следователи сообщили, что маньяк пойман. Им оказался 27-летний преподаватель вуза Михаил Тавардин. Мотив преступлений – сексуальный. На этом комментарии были исчерпаны. Следователи упорно игнорировали мои звонки. Я поняла: указание не давать комментарии прессе им спустили сверху.

Тогда и решила действовать ва-банк. Следователи не дают информации? Пойду в милицию. Между ведомствами есть негласная конкуренция. Оперативники очень активно трудятся над тем, чтобы поймать преступника: опрашивают свидетелей, отслеживают и ловят убийц. Но все лавры себе забирают следователи. Ведь именно они расследуют и направляют дело в суд. Они дело слепили и, значит, – герои. Сотрудникам милиции не нравился подобный расклад. Скажу больше – брутальным операм было порой обидно, словно детям. И я это знала.

В отдел я впорхнула в обтягивающем платье с декольте. Меня тут же направили к тому самому оперативнику, который поймал-таки преподавателя-маньяка. За столом сидел крепкий мужчина лет тридцати. Он недоуменно посмотрел

на меня, когда я вошла в кабинет и села за стол напротив него.

– Я журналист «Комсомольской правды». Хочу поговорить с вами о деле Тавардина. Буквально пару вопросов, – уверенным и спокойным тоном сказала я.

– Вы же знаете, все вопросы в следственный комитет, – небрежно ответил он, откинувшись на спинку стула.

– Знаю, но без вас дело бы не раскрыли. Все лавры и так у следователей, как обычно. Ловите вы, а звезды в прессе они. – Я мастерски пыталась надавить на больную мозоль.

– Да, это была огромная работа для нас. Только никому не говорите, что это я все рассказал. Хорошо? – сказал он.

Я кивнула. Но как же это глупо просить журналиста не писать! В эту секунду я положила руку в сумку, нащупала диктофон и нажала кнопку «запись».

Оперативник детально рассказал про задержание преподавателя вуза. Подозрительный мужчина сообщил полицейским из патрульной службы, что ждет 25-й трамвай. Но он только что уехал. На вопрос, почему парень не зашел в него, тот ответил, что номера у транспорта несчастливые. Держался уверенно и не показывал, что нервничает.

Сотрудники ППС предложили подозрительному мужчине пройти к ним в машину. Он сопротивляться не стал. Приняли решение провести обыск, и тут началось самое интересное. Мужчину попросили открыть мешок. Там лежал топор, презерватив и ключи от машины. Пэпээсники опеши-

ли, увидев такой набор, и решили действовать. Они передали информацию в отдел и связались с оперативниками.

– У патрульных возник закономерный вопрос: если у человека есть машина, зачем он ждет трамвай? Тогда парень придумал новую отговорку, якобы встречает девушку с аэробики. Все это выглядело очень странно. Однако и по приметам он был похож на разыскиваемого преступника. Совпало все: рост, возраст, одежда, – говорил оперативник.

– Все были в шоке, когда узнали, что задержанный является преподавателем в вузе. Одет он был в засаленную и старую одежду. Многие бы приняли его за бомжа или за наркомана. Когда мы привели его в отдел, он начал вести себя буйно, попытался броситься на одного из оперативников с топором. Такое ощущение, что у человека есть вторая личность. И они очень быстро переключаются. Из интеллигентного мужчины он по щелчку пальца превращается в головореза, который бежит с топором и бросается на людей, – поведал опер.

* * *

Мне хотелось узнать о маньяке максимум информации. На свой страх и риск я поехала к его родителям. Жила семья предполагаемого убийцы более чем скромно. Ничуть не лучше, чем родные жертв. Поселились Тавардины в двухэтажке в спальном районе, которую после войны строили еще плен-

ные немцы. Соседи быстро подсказали квартиру, и опять эти секунды ожидания под дверью.

Дверь открыла приятная полноватая женщина со светлыми волосами и голубыми глазами. В милиции мне показали фото преподавателя Тавардина, и, увидев ее, я поняла, на кого похож предполагаемый преступник.

– Михаил в СИЗО. Любое слово в его защиту сейчас важно для дела. Эти слова можете сказать именно вы, – произнесла я уверенным и спокойным голосом, и меня тут же пропустили.

Квартирка, где жила семья, была скромная, но чистенькая. Обстановка хоть и бедноватая, однако присутствовал ламповый уют. Мне предложили присесть и налить чай. От соседей я узнала, что семья небогатая. Мама Мария работала продавщицей, а отец Анатолий – слесарем.

– Все это дело сфабриковано. С нами говорил адвокат Миши. Сына избили. Он был запуган. Поверьте, он ни в чем не виноват, а оговорить мог себя со страху, как угодно, – сказала женщина и зарыдала.

Мария уверяла, что у ее сына алиби и в тот вечер он был со своей девушкой. Она рассказала, что в телефоне есть эсэмэс и звонки, которые могут это подтвердить.

– Проблем с девочками у него никогда не было. Он парень симпатичный, видный. У Миши была постоянная девушка. Все у них хорошо. А из него лепят второго Чикатило, – говорила она.

Я подошла к сервизу, где стояло фото Миши, посмотрела на его лицо, и меня будто кипятком ошпарили. Он был очень похож на тот самый фоторобот предполагаемого насильника, который заполонил город два года назад. Те же глаза, тот же нос, те же губы. Я почувствовала, как у меня затряслись руки.

Взглянув на мать Михаила, мое сердце сжалось от ужаса. Что чувствует женщина, чьего ребенка обвиняют в подобном преступлении? Я стояла в оцепенении, и мне не верилось, что я мило беседую с матерью монстра, сломавшего десятки жизней.

– Катя, но вы уж напишите все как есть. Ведь Миша ни в чем не виноват. Он ничего не совершил. Хорошо, Катюша, кызым³, – сказала она и посмотрела мне в глаза.

Я не нашлась что ответить и тихо угукнула.

«Может он и правда не виноват, а дело сфабриковано», – закружилась мысль, когда я уже собиралась уходить.

На следующий день я отправилась в вуз, где работал Тавардин. Мне повезло, я попала в университет во время перемены и застала сразу нескольких преподавателей. Они охотно со мной общались и рассказывали о подозреваемом.

– Михаил Анатольевич – отличный преподаватель! У него дар объяснять. Он настоящее научное светило. Мы видели в нем будущего декана, – сообщила темноволосая дама, одна из коллег Тавардина.

³ Это значит по-татарски «дочка». Она как-то поняла, что я татарка.

Сотрудники были уверены, что его подставили. Весь университет стоял за Михаила горой. По отзывам людей, это мягкий, добрый и интеллигентный человек, никак не способный совершать то, в чем его обвиняют.

– Михаил Анатольевич из простой семьи: отец – слесарь, мать – продавец на рынке. Попался случайно! Совпало лишь то, что он на фоторобот похож. В милиции поняли, что парня защитить некому. Вот и решили повесить на него всех собак, – поделился со мной седовласый заведующий кафедрой, где преподавал Тавардин.

Больше всего я удивилась, узнав, что за Михаила вступились студенты. Они даже сбор на адвоката организовали. Причем деньги попросили вычесть из стипендий. Девушки рассказали, что вел он себя прилично и держал дистанцию. Никаких томных взглядов или намеков на близость.

Я продолжила копать дальше. Следующими по списку были соседи Тавардина. Но как и коллеги, они отзывались о нем только положительно.

– Парень добрый, отзывчивый, всегда выручал, если кто просит. Он подрабатывал слесарем вместе с отцом и помогал соседям, если у кого что-то сломается. Миша тихий, спокойный, никогда даже голоса не повысит. Ну, не мог он убить, – рассказала соседка.

Тогда я села за соцсети и принялась искать одноклассников и однокурсников преподавателя. Нашлись они быстро, поскольку я знала и вуз, и школу, и возраст. Однако говори-

ли все примерно одно и то же – добрый, тихий, спокойный, никакой агрессии замечено не было.

Мне стало казаться, что следствие действительно может ошибаться. Ведь зачем Тавардину убивать? И как настолько положительный человек может оказаться маньяком? Пазл никак не желал складываться. Но и не давал покоя тот факт, что Михаила могли избить и заставить дать признательные показания. Я решила позвонить тому самому оперативнику, который участвовал в задержании. Он единственный из всех силовиков охотно шел со мной на контакт.

– Алексей, здравствуйте. Я была у родителей подозреваемого. Они сказали, что сын при задержании был избит. Что вы можете сказать по этому поводу? – Я не стала ходить вокруг да около и спросила сразу.

– Могу сказать, что это глупость. Его осматривал врач. У него только следы от наручников и царапина. Как думаете, это мы его царапали? – сообщил он.

Дальше оперативника как прорвало. Алексей принялся сыпать фактами и доказательствами, которые были у силовиков. Он рассказал, что топор Тавардина осмотрели эксперты и пришли к выводу, что инструмент тщательно вымыт. Но на деревянной рукоятке остались частицы крови. И уже точно известно, что это кровь погибшей Любы. Одежду, в которой был подозреваемый в день задержания, сразу изъяли и сдали на экспертизу. На брюках тоже обнаружили кровь последней жертвы.

– В носках у нашего «чудесного» преподавателя нашли капроновые нити. Они идентичные тем, которыми были связаны руки убитой. Также совпал по структуре мешок Тавардина и нитка, обнаруженная на голове жертвы. Сколько еще надо найти улики, чтобы нам поверили? – негодовал опер.

Все эти вещи силовики нашли в гараже доцента. Бокс располагался неподалеку от места, где происходили убийства. Следователи были уверены, что именно в своем гараже Михаил переодевался в черную куртку, свитер и джинсы. В этом он выходил на охоту. А после возвращения переодевался в обычную одежду.

– Хотя доказательств вины предостаточно и мы его якобы бьем, Тавардин не сознается в убийствах! Да ты бы его видела! На каждый вопрос он придумывает по сто разных ответов. По-моему, у него раздвоение личности, правда, я и не спец. Днем он – доцент и интеллигент, вечером – маньяк, который хочет крови и насилия, – не мог остановиться Алексей.

Я собрала много информации для материала и пуляла эксклюзивы про предполагаемого маньяка. Руководство меня хвалило, а я радостно потирала ручки. Но через пару дней в нашу редакцию пришли люди в форме.

* * *

В кабинете сидел руководитель следственного комитета

области и что-то говорил нашему редактору Свете. Я помню, что ее лицо было пунцовым. Позвали в кабинет и меня.

– Сотрудник милиции, который дал вам информацию, совершил преступление. Надеюсь, вы это понимаете. Мы обратились в прокуратуру и МВД. Мы требуем увольнения оперативника, который раскрыл вам все тайны следствия. А ваши действия как журналиста недопустимы, – сказал он, глядя на меня в упор.

Со мной провели воспитательную беседу. Сводилась она к тому, что искать эксклюзив – это работа журналиста, но должно быть еще и понимание, что я мешаю работе силовиков и из-за меня может развалиться дело. Закончили мы на том, что будем помогать друг другу.

– Скажите, у вас есть запись разговора с оперативником? Нам для приобщения к материалам проверки, – спросили меня напоследок следователи.

Я ответила, что записи нет. И конечно же, соврала. При любых обстоятельствах я тайно писала разговоры на диктофон. Однако не хотела, чтобы на моей совести было чье-то взыскание, увольнение или уголовное дело. Не знаю, наказали ли того оперативника или нет, но чувствовала я себя скверно.

Масла в огонь добавляло и то, что защитники Тавардина принялись меня травить – грозили судом и писали гадости в интернете. А его знакомые писали гневные комментарии под моими материалами на сайте газеты.

Делом преподавателя заинтересовались заграничные журналисты. Корреспондент из Ирландии начала активно освещать эту тему. Не прошла и мимо моих материалов. В своем блоге женщина назвала мои статьи «заказными». Меня это задело, и я решила с ней поговорить.

– Екатерина, вы не думаете, что вас могли использовать намеренно? Эти звонки в редакцию и весь слив информации. Вы написали об этом в крупнейшей газете страны, и теперь общество считает, что убийца именно Тавардин, – сказала она.

В тот день у меня были именины, когда позвонил тот самый приятель из следственного комитета, Саша. Он всегда поздравлял меня со всеми праздниками – будь то 8 Марта или день прессы. Мы разговорились, и Саша позвал меня пить кофе. Как мужчина он мне был не интересен, однако информация, которой он обладал, была настолько ценной, что я не могла отказаться.

Мы встретились в кафешке у областного суда. В начале мы всегда болтали обо всем и ни о чем – про погоду, политику и курс доллара. Наш диалог всегда начинался с дежурных тем, но я неизменно уводила его к работе, хотя Саша порой и уворачивался.

– Слушай, у меня такая мысль. Помнишь про того задержанного, который повесился в СИЗО? Тогда Тавардин совершал первые вылазки, а парня задержали и обвинили в изнасиловании двух девочек. Причем почерк похож на харак-

тер преступлений нашего доцента. Тоже слежка, тоже нападение сзади. Не кажется ли тебе, что... – логически стала подводить я мысль.

– Казаться может что угодно. Его все равно уже нет. Никто разбираться не будет, как и подставляться. Кому захочется признавать ошибку, если даже она была? – произнес Саша.

– А как думаешь, Тавардин получит пожизненное? – Я все-таки тешила себя мыслью, что свидание прошло не зря, и пыталась выжать из Саши хоть что-то.

– Да псих он. Пришла экспертиза. Раздвоение личности, шизофрения и что-то еще там понаписали... Отправят в лечебницу, – раскололся он наконец, и кофе едва не пролился мимо моего рта.

– Ну какой псих! Он такие научные работы ваял, – парировала я.

– Ты недооцениваешь психов. Они бывают очень умными. Вот увидишь, будет как я сказал, – уверял Саша.

* * *

Через пару дней следственный комитет прислал всем журналистам официальное сообщение – эксперты посчитали преподавателя невменяемым. Это означало, что я никогда не узнаю правды. Дело Тавардина слушали без прессы. Так предписывает закон, когда речь идет о психически нездоровых людях. Суд решил отправить доцента на лечение. Сей-

час он до сих пор находится в психиатрической клинике.

Я еще долгое время думала об этой истории, прокручивала про себя дело Михаила Тавардина. В голове снова появлялись мысли: «А вдруг не он? Вдруг настоящий маньяк гуляет на свободе?» Спустя пару месяцев мне пришло сообщение от неизвестной женщины:

«Я знаю семью Тавардиных. Михаил вместе с отцом подрабатывал слесарем. Они помогали нам с ремонтом. Миша приятный, симпатичный мужчина. Очень вежливый. Вечером я гуляла с собакой и увидела, как парень хватает девушку сзади за лицо и волосы, а потом утаскивает в закоулок между домами. Мне почему-то показалось, что я его знаю. Я решила не уходить домой, но следовать за ним было страшно. Через небольшой промежуток времени этот мужчина вышел из темноты двора. В нем была некоторая нервозность. Он обернулся, и я увидела, что это Миша Тавардин. Со временем этот случай забылся. А недавно подруга рассказала об аресте Михаила и слухах о его невиновности. Потом я прочитала ваши статьи. Если бы не тот случай, я никогда бы не поверила... Миша производил очень приятное впечатление. Я до сих пор нахожусь в состоянии шока».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.